

Ольга Владимировна Залесская^{1✉}, Мэйвэй Янь²

^{1,2} Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия

^{1,2} olgazalesskaya@gmail.com

КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В статье проанализировано становление и развитие культурных связей России и Китая в XIX – начале XX в. на дальневосточных территориях. Освещены вопросы зарождения российско-китайского культурного взаимодействия, соприкосновения российской и китайской культур, а также особенности контактов двух этносов. В работе применен историко-хронологический метод исследования, позволивший проследить формирование и развитие контактов в сфере культуры между двумя странами в дальневосточном приграничье в середине XIX – начале XX в. (от подписания Айгуньского и Пекинского договоров до Октябрьской революции 1917 г.), а также системный подход, использование которого обусловило рассмотрение культурных связей как составляющей общей системы российско-китайских отношений на межгосударственном и межрегиональном уровнях. В научный оборот введены материалы на китайском языке в авторском переводе. При исследовании культурных контактов двух стран была применена концепция социокультурного взаимодействия, разработанная Н.А. Самойловым, которая позволила проанализировать особенности взаимоотношений двух стран в сфере культуры и осветить формы взаимодействия. По мнению авторов, развитие взаимных контактов в сфере культуры было обусловлено внешнеполитическими и социально-экономическими условиями, значительными трансформациями в политической, экономической и культурной сферах, происходившими в середине XIX – начале XX в. в Российском государстве и империи Цин, а также встречей китайского миграционного и российского колонизационного потоков в российском дальневосточном приграничье. В целом российско-китайское социокультурное взаимодействие в исследуемый период прошло несколько стадий, в процессе которых русский и китайский народы взаимно узнавали друг друга и учились взаимодействовать. При этом на дальневосточных территориях на рубеже веков складывалась контактная зона взаимоотношений двух этносов, формировалась особая среда российско-китайского взаимодействия и вместе с тем становилась все более очевидной разница двух культур, невозможность их смешения и взаимной ассимиляции.

Ключевые слова: контакты культур, российско-китайские отношения, дальневосточные территории, Россия, Китай

Для цитирования: Залесская О.В., Янь Мэйвэй. Культурные контакты между Россией и Китаем на дальневосточных территориях в XIX – начале XX в. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 134–144. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-2-134-144.

Olga Vladimirovna Zalesskaya^{1✉}, Meiwei Yan²

^{1,2} Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia

^{1,2} olgazalesskaya@gmail.com

**CULTURAL CONTACTS BETWEEN RUSSIA AND CHINA
IN THE FAR EASTERN TERRITORIES
IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES**

The paper analyzes the formation and development of cultural relations between Russia and China in the 19th – early 20th centuries in the Far Eastern territories. The issues of the origin of Russian-Chinese cultural interaction, the contact between Russian and Chinese cultures, as well as the peculiarities of contacts between the two ethnic groups are covered. The work uses a historical-chronological research method, which made it possible to trace the formation and development of contacts in the field of culture between the two countries in the Far Eastern border region in the mid-19th – early 20th centuries (from the signing of the Aigun and Beijing treaties to the October Revolution of 1917), as well as a systematic approach, the use of which led to the consideration of cultural ties as a component of the overall system of Russian-Chinese relations at the interstate and interregional levels. Materials in Chinese in the author's translation were introduced into scientific circulation. When studying cultural contacts between the two countries, the concept of sociocultural interaction developed by N.A. Samoilov was applied, which made it possible to analyze the features of relations between the two countries in the field of culture and highlight the forms of interaction. According to the authors, the development of mutual contacts in the field of culture was determined by foreign policy and socio-economic conditions, significant transformations in the political, economic and cultural spheres that took place in the mid-19th – early 20th centuries in the Russian state and the Qing Empire, as well as the meeting of Chinese migration and Russian colonization flows in the Russian Far Eastern borderland. In general, Russian-Chinese sociocultural interaction during the period under study went through several stages, during which the Russian and Chinese peoples mutually recognized each other and learned to interact. At the same time, in the Far Eastern territories at the turn of the century, a contact zone of relations between two ethnic groups was formed, a special environment of Russian-Chinese interaction was formed, and at the same time, the difference between the two cultures and the impossibility of their mixing and mutual assimilation became increasingly obvious.

Keywords: cultural contacts, Russian-Chinese relations, Far Eastern territories, Russia, China

For citation: Zalesskaya O.V., Yan Meiwei. Cultural contacts between Russia and China in the far eastern territories in the XIX – early XX centuries // Socio-economic and humanitarian journal. 2024. № 2. S. 134–144. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-2-134-144.

Введение. История российско-китайских отношений насчитывает свыше четырех столетий. Первые сведения о Руси и славянах доходили до Китая через Великий Шелковый Путь, а первые контакты были установлены еще в период монгольского владычества в Азии. В XVI

веке в связи с поиском северного пути из Европы в Китай происходит оживление интереса к Китаю на Руси. В первой четверти XVII века в результате поездок В. Тюменца и И. Петлина между Русским государством и Цинской империей были установлены связи. Однако только рас-

ширение Руси в Восточной Сибири и присоединение к собственно Китаю территорий в Маньчжурии создало предпосылки для установления официальных и регулярных взаимоотношений между Москвой и Пекином. Походы В.Д. Пояркова, Е.П. Хабарова обусловили интерес к крестьянской колонизации Даурии и Приамурья [1, с. 56–79].

В XVII веке уже складываются центры русско-китайской торговли в городах Тобольск, Нерчинск, Селенгинск, через которые шел обмен товарами, и вместе с этим происходило взаимное узнавание и взаимодействие двух этносов. Еще одним каналом для взаимного узнавания были взятые в плен во время войны за Амур или перешедшие на службу к китайскому императору православные албазинцы, благодаря которым появилось основание для организации в Пекине в 1715 г. православной миссии. В 1708 г. в Пекине была открыта школа русского языка [2, с. 38, 47–49, 51].

Важнейшее значение для будущего русско-китайских отношений сыграло подписание в 1727 г. Буринского и Кяхтинского трактатов. Во второй половине XVIII века династия Цин проводила политику сдерживания внешней торговли, и всем западным миссионерам и торговцам было отказано в доступе в Китай. Однако торговые обмены между Китаем и Россией успешно шли через Кяхту и Маймайчэн.

Через активно развивавшуюся двустороннюю торговлю народы взаимодействовали друг с другом. В процессе кяхтинской торговли возникает своеобразный язык, который использовали при общении китайские купцы, – он представлял собой искаженный русский язык. Русские купцы, за редким исключением, китайский язык не учили. В России начинается «мода на китайское» (фарфор, чай, отделку помещений, садово-парковую архитектуру и т.д.) [2, с. 66, 72–74].

В сфере культуры контакты развивались в результате деятельности Российской духовной миссии в Пекине. Благодаря миссии, в России в XVIII в. – пер-

вой половине XIX в. появляются свои профессиональные переводчики и китаеведы, публикуются первые российские специальные исследования по Китаю. Ученые-китаеведы (в первую очередь те, кто трудился в составе Российской духовной миссии в Китае) «выступили в роли интерпретаторов китайской культуры и ее своеобразных трансляторов, способствуя формированию на российской почве принципиально нового коммуникационного кода социокультурного взаимодействия» [3, с. 7]. Огромную роль в развитии диалога культур сыграли о. Иакинф (Бичурин), архимандриты Петр (Каменский) и Палладий (Кафаров). В русских университетах вводится преподавание языков, распространенных в Китае. В Кяхте в 1830 г. было открыто училище китайского языка. Между Россией и Китаем начинаются обмены книжными коллекциями [2, с. 81].

С конца 1820-х гг. усиливается внимание к Китаю со стороны русских писателей, поэтов и публицистов: в русских изданиях («Азиатский вестник», «Московский телеграф», «Северная пчела», «Сибирский вестник» и др.) стали помещать статьи и заметки о Китае. В русской литературе и публицистике первой половины XIX в. стал формироваться образ дальневосточного соседа России, для которого было характерно смешение реальных представлений, романтизация и вместе с тем негативизация. Как отмечает Н.А. Самойлов, «объективные сведения перемешивались с субъективными оценками, реальные знания соседствовали с интуитивными построениями, <...>, Китай становился метафорой и символом» [4, с. 291]. И, действительно, через образ Китая в России, культура которой постепенно открывалась внешнему миру, происходило осмысление явлений российской действительности. Китайская цивилизация, для которой была характерна самодостаточность, еще медленнее воспринимала мировые ценности и идеи. До середины XIX в. Россия была единственной западной страной, в которую Китай посылал посольства (китайская миссия дважды поздравляла российских

императоров с коронацией) [5, с. 100–101]. В целом же, согласно периодизации, предложенной проф. Н.А. Самойловым, российско-китайское взаимодействие культур и социумов в период XVIII в. – первой половины XIX в. прошли стадии идентификации (русские посольства и миссии в Китае стали своеобразными посредниками в знакомстве двух цивилизаций, торговля становится каналом коммуникационного взаимодействия) и активации (активное осмысление социокультурных реалий друг друга, взаимное формирование образов), а во второй половине XIX в. вступили в стадию адаптации, когда с формированием разновекторных миграционных потоков в Россию и Китай стали проникать носители культуры государства-соседа, а приграничные территории стали приобретать функции контактной зоны взаимодействия двух этносов [6, с. 213].

Обусловленное социальными и экономическими факторами сближение русской и китайской цивилизаций способствовало формированию целостной системы российско-китайских отношений, одним из важнейших элементов которой стало культурное взаимодействие.

Цель исследования. Изучить культурные контакты Китая и России на дальневосточных территориях в XIX – начале XX в. в контексте развития отношений двух стран; осветить основные сферы культурных связей двух этносов; охарактеризовать особенности двустороннего взаимодействия в различные исторические периоды.

Методология исследования. В работе была применена концепция социокультурного взаимодействия, разработанная Н.А. Самойловым, которая позволяет проанализировать особенности взаимоотношений двух стран во всех сферах и направлениях. Под социокультурным взаимодействием понимается «взаимодействие, возникающее между региональными и локальными социумами и культурами, обладающими характеристиками социокультурных суперсистем, являющееся частью общемирового культурного развития и отражающее процес-

сы стадияльно-формационного характера» [6, с. 43]. Двустороннее взаимодействие в сфере культуры при этом является частью социокультурного взаимодействия и становится показателем определенного уровня отношений между странами. Использовались также системный подход, историко-хронологический метод исследования, синтез, описание.

Результаты исследования и их обсуждение. Во второй половине XIX в. вся система русско-китайских отношений качественным образом меняется. На Россию распространяются все права и привилегии западных стран, полученные ими в результате опиумных войн. Одновременно обостряется борьба сильнейших капиталистических государств Европы и США за влияние в Восточной Азии. В этих условиях Россия и Китай продолжали взаимную торговлю, а также определили новую линию границы на Дальнем Востоке. Это стало поворотным моментом в дальнейшем развитии дальневосточных территорий и российско-китайских отношений, в том числе в развитии культурных контактов между двумя странами на Дальнем Востоке.

Присоединение Приамурья и Южно-Уссурийского края дало толчок к заселению этого края русскими крестьянами и казаками. В 1869 г. в Амурской области насчитывалось 67 казачьих станиц (13 200 жителей) и 41 крестьянское селение (9 435 жителей), в Приморской области – 88 селений (19 360 жителей) [7, с. 104]. Шло заселение и Северо-Восточного Китая, несмотря на запреты цинского правительства, стремившегося сохранить Маньчжурию как «родину своих предков». Введение новых налогов и повинностей во время тайпинского восстания и вторжения в Китай иностранных держав обусловило стихийное переселение крестьян на Северо-Восток. Цинское правительство встало на путь примирительного отношения к переселению, что усилило внутреннюю миграцию. К 1840 г. численность населения Маньчжурии приблизилась к 3 млн чел. [8, с. 100]. Сближение народов активизировалось с началом строительства Китайско-Восточной

железной дороги (КВЖД) и не всегда развивалось в положительном ключе. Местное население, уклад жизни которого был нарушен, выступало против русского присутствия.

Освоение Маньчжурии, а также захват Китая империалистическими державами и превращение его в полуколонию, обусловили возникновение внешних миграционных потоков – китайские подданные искали заработка за рубежом. Российские территории, заселение которых шло низкими темпами, нуждались в иностранной рабочей силе. Труд китайских рабочих стал активно использоваться в строительстве городов, сооружении железных дорог, разработке приисков и т.д. Китайские мигранты стали открывать на российском Дальнем Востоке свои мелкие и средние предприятия – кирпичные и известковые заводы, кожевенные, швейные и кузнечные мастерские, пивоварни и хлебопекарни. Главенствующие позиции они заняли в дальневосточной торговле.

Присутствие китайских мигрантов на российских дальневосточных территориях формировало среду для культурных контактов. Народы познакомились с обычаями и традициями друг друга. Русское население украшало свои жилища в китайском стиле, начало употреблять в пищу традиционные китайские продукты – лобу (редьку), доуфу (соевый творог), фэньтяо (крахмальную лапшу) и т.п. Интерес со стороны русского населения вызывали празднования китайцами Нового года и театрализованные представления на открытых площадках. От китайцев русские узнали о полезных свойствах женьшеня, о грядковом земледелии; китайцы с приходом русских начали пользоваться плугом и сохой [9, с. 89]. В Маньчжурии, благодаря присутствию русского населения, стали распространяться русские сорта картофеля, помидоров, огурцов, моркови, белокочанной капусты; стали высеваться овес, лен, рожь [10, с. 80]. Китайцы постепенно стали употреблять в пищу молоко и молочные продукты – сыр, сливочное масло, творог, сметану, сливки; научились

печь хлеб, стали широко использовать в домашнем обиходе керосиновые лампы, мыло, носить одежду, сшитую из тканей русского производства [11, с. 76]. Однако в целом, несмотря на некоторое взаимопроникновение «культур повседневности», и для русских, и для китайцев была характерна закрытость и отчужденность. Как отмечал А.Г. Ларин, это объяснялось глубоким различием цивилизаций и языковыми различиями. Российские и китайские эмигранты жили и вели свой быт обособленно, сохраняя свою культурную и языковую идентичность (коммуникация, диктовавшая необходимость овладения основами языка принимающей страны, требовалась лишь для некоторых видов деятельности, например, торговли; остальные категории иностранцев в случае необходимости прибегали к услугам переводчика). «Более высокий, интеллектуальный, отличавшийся взаимным интересом, взаимным познанием культур» слой межцивилизационных отношений между народами в процессе взаимодействия практически не проявился [12, с. 39]. Это было связано также с глубинными цивилизационными различиями, с историческим прошлым обоих народов. Так, если Россия тяготела к европейской культуре с ее политическими ценностями, основывающимися на равенстве независимых государств (так называемые «горизонтальные связи»), то Китаю была присуща конфуцианская модель политической иерархии («вертикальные связи»). Поэтому в отношениях стран-соседей сложилась сложная система взаимоотношений, в которой были и «горизонтальные», и «вертикальные» связи [13, с. 73].

Свидетельством некоторой «проницаемости» культур и одной из характерных особенностей во взаимодействии русского населения и китайских подданных в Приамурье стало существование «маньчжурского клина» – земель, занятых маньчжурами, даурами, китайцами согласно 1-й ст. Айгуньского договора 1858 г. Площадь этих земель на левом берегу Амура в нижнем течении р. Зеи составляла 1500 кв. верст. В 1884 г.

было проведено обмежевание земель, предоставленных в пользование подданным Цинской империи. Межи были пройдены плугами; некоторые из них сохранились до настоящего времени в селах Садовое, Лермонтовка, Раздольное Тамбовского района Амурской области, где части полей до сих пор называют «китайскими огородами». По данным проведенной в 1893 г. переписи, «зазейских маньчжур» насчитывалось около 16 тыс. чел. Двойственность их правового статуса по мере освоения дальневосточного края обусловила возникновение земельных конфликтов. Стали происходить кражи сена «зазейскими маньчжурами» у русских крестьян, уничтожение ими телеграфных столбов. Русская администрация, в свою очередь, провела межевание земли в этом районе с целью пресечь дальнейшие захваты китайскими подданными земельных угодий, разработало особые паспортные правила для «зазейских маньчжур» и механизм взимания с них налогов. Это вызывало многочисленные протесты китайских региональных властей, между русской и китайской администрацией велась обширная переписка. Проблема «маньчжурского клина» была разрешена кардинальными методами в период вооруженного конфликта 1900 г. России с Китаем. Освободившиеся после ухода китайских подданных земли были предоставлены для заселения Амурскому казачьему войску [14, с. 85–96].

В Благовещенске, административном центре Амурской области, китайцы сосредотачивались в основном в северной части города, в китайском квартале «Сяобэйтунь», где насчитывалось более 300 дворов. Здесь китайцы выращивали и продавали овощи и мясо, зелень и яйца, занимались изготовлением популярного среди городского населения соевого творога (доуфу) и крахмальной лапши (фэньтяо). В китайской слободке работали парикмахерские, магазины одежды, бакалеи. Крупная шаньдунская фирма купца Цзян Жунцяя «Цюаньсинфу» занималась сбытом масла, соли, соевого соуса, уксуса и других бакалейных това-

ров. Сеть постоянных дворов в китайском поселении принадлежала также предпринимателю из Шаньдуна Чэнь Байсюю [15, с. 24]. С августа 1913 г. до апреля 1914 г. в китайском квартале действовала амбулатория (в апреле 1914 г. была уничтожена пожаром). Прием больных китайцев вел русский фельдшер, содержание которого оплачивала городская управа Благовещенска, а помещение, освещение и медикаменты оплачивало население китайского квартала. Раз в месяц фельдшер делал санитарные обходы [16, с. 691]. В китайском квартале действовало множество игорных домов и опиекурилен, с которых русская полиция собирала ежемесячную дань, – китайский квартал был для них исключительно доходным местом, а задачи администрации Амурской области по надзору за китайскими подданными и управлению ими не выполнялись либо выполнялись формально. Для обеспечения коммерческих интересов китайского населения в Благовещенске существовало отделение китайского торгового общества, официально не признанное русскими властями, но регулярно дававшее взятки («гуань-цян» – «чиновничьи деньги») русским чиновникам. Торговое общество, в свою очередь, открыло свои отделения в Зее, Пашкове, Иннокентьевской, Джалинде, имело связь с китайскими пограничными властями и контролировались дипломатическими представителями Китая на российском Дальнем Востоке [17, с. 213–215, 244–247].

В конце XIX в. начинается становление китаеведческого образования на Дальнем Востоке: в 1899 г. был открыт Восточный институт во Владивостоке, в городах российского Дальнего Востока работали курсы китайского языка. В свою очередь, в Китае действовали школы русского языка – в Пекине, Тяньцзине, Шанхае, Гуанчжоу [2, с. 164–165]. В 1896 г. во Владивостоке была учреждена русско-китайская школа (просуществовавшая до конца 1930-х гг.), где китайские дети изучали русский язык. Регистрировались и браки китай-

цев (как правило, уже несколько лет живших в России и знавших русский язык) с русскими женщинами; в этом случае женщина автоматически теряла русское подданство. Тем не менее, как отмечает А.И. Петров, «тесные взаимоотношения китайцев с русскими лежали преимущественно в сфере бизнеса»; связи укреплялись после того, как китаец принимал православие, либо в случае вступления его в русское подданство [16, с. 655].

Но в целом китайцы предпочитали оставаться приверженцами своих учений, и тому было несколько причин: в Китае их ждали преследования (а со стороны семьи непонимание и насмешки); они с трудом воспринимали сущность христианства, а отрезание косы при крещении расценивалось как предательство своей родины. Не исключая духовного интереса к православию у части китайцев, в этом вопросе они руководствовались, прежде всего, практическим интересом. Это подтверждается и тем, что в начале XX века количество обращений китайцев в православие значительно увеличилось: вторжение в Китай иностранных держав заставило их искать способы осесть в России. Так, если в 1864–1899 гг. на Дальнем Востоке по обряду Русской православной церкви было крещено 52 чел. китайцев и маньчжуров, то в 1900–1915 гг. – 313 чел. Русские священники совершали миссионерские поездки и в Сахалин (маньчжурскую деревню на правом берегу Амура, расположенную напротив Благовещенска, ныне Хэйхэ), при этом они отмечали радушие местных жителей [18, с. 230–242]. Однако целенаправленной работы среди китайского населения Приамурья и Маньчжурии не велось, специальных миссий для китайцев организовано не было. Китайцы не были готовы отказаться от своих традиционных ценностей и внешних атрибутов (кос и пр.) ради принятия православия: за это их ждало наказание в Китае. Против распространения православия в китайском обществе Маньчжурии выступала и администрация КВЖД и министр С.Ю. Витте, опасавшиеся

осложнений в отношениях с китайскими властями [19, с. 129–130, 135].

Начало XX века – военные события 1900 г., оккупация русскими войсками Маньчжурии – знаменовалось определенным кризисом в российско-китайских отношениях. Упал престиж России и в результате Русско-японской войны 1904–1905 гг. Стремясь больше узнать о своем восточном соседе, россияне стали активно интересоваться литературой о Китае; в периодических изданиях Азиатской России дальневосточная тема стала главной. В России в два раза увеличился выпуск книг по китайской философии, в четыре раза выросло число публикаций китайской художественной прозы. В 1900 г. при поддержке Министерства финансов было открыто Общество востоковедения, филиалы которого были созданы в Благовещенске, Хабаровске, Харбине. В январе 1910 г. было создано «Общество русских ориенталистов». Значимый вклад в российскую синологию внесли русские купцы (Ф.П. Щегорин, А.Д. Старцев и др.), занимавшиеся коллекционированием китайских и маньчжурских книг, а также участники экспедиций по приграничным дальневосточным территориям (Г.Е. Грум-Гржимайло, В.В. Граве, В.К. Арсеньев и др.). Продолжалась культурная деятельность Российской духовной миссии в Пекине, занимавшейся переводами и составлением словарей. В целом, как отмечают китайские ученые, «Россия проявляла гораздо больше инициативы в изучении китайской культуры, чем Китай – в изучении русской, а распространение русской культуры в Китае шло гораздо быстрее, чем китайской культуры – в России» [20, с. 92]. Большой интерес в Китае вызвало распространение в России идей марксизма и социализма. Однако, как отмечает В.Г. Дацышен, «тесного и всестороннего сотрудничества в сфере культуры между Россией и Китаем налажено не было» [2, с. 237]. Нередко увлечение Китаем принимало искаженные формы. Так, появилась мода на восточный мистицизм, буддийский иррационализм и гадания [5, с. 101].

В Китае выходят труды китайских авторов о России («Шофан бэйчэн» Хэ Цютао и др.), содержащие как сведения о стране, так и антирусские настроения. В статьях китайских мыслителей и реформаторов Кан Ювэя, Янь Фу, напротив, содержались доводы в пользу укрепления связей с Россией и заимствования ее опыта в организации общества и государственного строя. Начало XX века также характеризуется появлением переводов русской художественной литературы на китайский язык. Произведения Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова и других авторов знакомили китайскую интеллигенцию с гуманистическими идеями русских писателей, формировали романтизированный образ русского народа. Китайские дипломаты и культурные деятели знакомились с русским классическим балетом и русской музыкой. В сочетании со сложившимся стереотипом России, как страны «северных варваров», это предопределило двойственное отношение к России со стороны китайского общества. В российском обществе шли сходные процессы. Углубление и расширение контактов между двумя странами, тесное соприкосновение на дальневосточных границах подданных Российской и Цинской империй и связанный с этими процессами рост публикаций о Китае в России – все это формировало два противоположных образа Китая. С одной стороны, Китай воспринимался как миролюбивая и дружелюбная восточная страна с определенным ореолом загадочности, с другой – как источник экспансии, так называемая «желтая опасность», хотя синофобия не проявлялась в ярких формах на приграничных территориях именно в силу постоянного взаимодействия с представителями китайского этноса. В отношении России также прослеживались как настороженные и негативные настроения, так и призывы заимствования ее опыта в социальных и политических реформах [3, с. 250–252, 271–272].

Новый этап в культурном взаимодействии двух стран начинается после

Октябрьской революции. Стремление китайского общества познакомиться с русской литературой, понять сущность происходивших в России революционных процессов еще более усилилось. Русская и советская литература и искусство оказали огромное влияние на литературу и искусство Китая. После Октябрьской революции 1917 г., а затем «Движения 4 мая» 1919 г., в Китае начинается распространение идей марксизма-ленинизма. Это обусловило всплеск количества переводов марксистских работ и произведений В.И. Ленина. В ноябре 1920 г. в Китае были изданы полные переводы «Манифеста Коммунистической партии» и «Развития социализма от утопии к науке». В номерах журнала «Синь циньнянь» («Новая молодежь») были опубликованы переводы статей В.И. Ленина «Национальное самоопределение» и «Экономика переходного периода». Статьи и части работ Ленина публиковались в новой периодике: ежемесячнике «Гунчаньдан» («Компартия»), журнале «Шутуан» («Заря»). С созданием КПК в 1921 г. и дальнейшим развертыванием в Китае революционного движения интерес к марксистско-ленинской литературе возрастал. Издавались не только работы марксистов, Ленина, но и И.В. Сталина по национальному и колониальному вопросам. Широкое распространение получили произведения советской литературы. Большую работу по ее популяризации проводил писатель Лу Синь, при непосредственном участии которого на китайский язык были переведены «Разгром», «Железный поток» и другие книги [21, с. 26–27, 89–90]. В 1920-е гг. для подготовки революционных кадров для Китая в Москве были открыты Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) и Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК). В Китае стали демонстрироваться советские фильмы, на сценах китайских театров увеличивалось количество постановок русских и советских пьес.

Заключение. Российско-китайские культурные контакты зародились с первыми контактами русских и

китайцев через взаимную торговлю и первые посольства в XVII веке. В Пекине открывается духовная миссия, а на Дальнем Востоке тесные связи возникают во второй половине XIX века, когда подданные Российской и Цинской империй начали активно осваивать дальневосточные земли. Возрастает интерес к китайскому языку и китайской культуре. Начало XX века характеризуется осложнением отношений, что было вызвано внешнеполитическими и внутривнутриполитическими факторами. В целом российско-

китайское социокультурное взаимодействие в дореволюционный период прошло от стадии индифферентного взаимодействия до стадии адаптации, когда русский и китайский народы взаимно узнавали друг друга и учились взаимодействовать друг с другом. Постепенно на дальневосточных территориях складывалась контактная зона взаимодействия двух этносов, и вместе с тем становилась все более очевидной разница двух культур, невозможность их смешения и взаимной ассимиляции.

Список источников

1. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.). М., 1996. 482 с.
2. Дацьшен В.Г. История русско-китайских отношений (1618–1917 гг.): учеб. пособие. Благовещенск, 2004. 276 с.
3. Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVII – начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб., 2014. 368 с.
4. Самойлов Н.А. Россия и Китай: этапы взаимодействия и взаимоидентификации // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб., 2011. С. 245–295.
5. Su Fenglin. Questions Regarding Past and Present Sino-Russian Cultural Exchange // Eager Eyes Fixed on Eurasia: Russia and its eastern edge / ed. by Iwashita Akihiro. Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. P. 93–109.
6. Самойлов Н.А. Периодизация истории социокультурного взаимодействия России и Китая до 1917 г.: методологические подходы // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2009. № 1–2. С. 209–214.
7. Нарочницкий А.Л. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. (С конца XVI в. до 1917 г.). М., 1973. 326 с.
8. Ван Лихэн. Ша Э дэ Юаньдун иминь чжэнцэ (Миграционная политика царской России на Дальнем Востоке) // Бэйфан вэнью. 2001. № 1. С. 99–103.
9. Владимирова Д.А. Проблемы этнокультурного взаимодействия и взаимовосприятия китайцев и русских на российском Дальнем Востоке и Северо-Востоке Китая: вторая половина XIX – начало XXI в.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005. 225 с.
10. Штейнфельд Н.П. Русское дело в Маньчжурии: С XVII в. до наших дней. Харбин, 1910. 208 с.
11. Белоглазов Г.П. Русская земледельческая культура в Маньчжурии (середина XVII – первая треть XX в.). Владивосток, 2007. 184 с.
12. Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня. М., 2003. 223 с.
13. Мясников В.С. Россия и Китай: контакты государств и цивилизаций // Общественные науки и современность // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 72–82.
14. Дацьшен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб.: [б.и.], 1996. 144 с.
15. Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2009. 380 с.
16. Петров А.И. История китайцев в России. 1856–1917 годы. СПб., 2003. 960 с.

17. *Нестерова Е.И.* Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (втор. пол. XIX – нач. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 372 с.
18. «Маньчжурский клин»: история, народы, религии / *С.Э. Аниховский, Д.П. Болотин, А.П. Забияко* [и др.]; под общ. ред. *А.П. Забияко*. Благовещенск, 2005. 315 с.
19. *Дацышен В.Г.* Христианство в Китае: история и современность. М., 2007. 240 с.
20. *Чэнь Фан.* Цяньтань 1917 нянь цянь дэ Чжун-Э вэньхуа гуаньси (Краткое изложение культурных отношений между Китаем и Россией до 1917 года) // *Сяньдай цзяоци*. 2018. №7. С. 91–92.
21. *Пэн Мин.* Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 149 с.

References

1. *Myasnikov V.S.* Dogovornymi stat'yami utverdili (diplomaticeskaya istoriya russko-kitaiskoi granitsy XVII–XX vv.). М., 1996. 482 с.
2. *Datsyshen V.G.* Istoriya russko-kitaiskikh otnoshenii (1618–1917 gg.): ucheb. posobie. Blagoveshchensk, 2004. 276 с.
3. *Samoilov N.A.* Rossiya i Kitai v XVII – nachale XX veka: tendentsii, formy i stadii sotsiokul'turnogo vzaimodeistviya. SPb., 2014. 368 с.
4. *Samoilov N.A.* Rossiya i Kitai: ehtapy vzaimodeistviya i vzaimoidentifikatsii // *Rossiya i Vostok: fenomenologiya vzaimodeistviya i identifikatsii v Novoe vremya*. SPb., 2011. S. 245–295.
5. *Su Fenglin.* Questions Regarding Past and Present Sino-Russian Cultural Ex-change // *Eager Eyes Fixed on Eurasia: Russia and its eastern edge* / ed. by *Iwashita Akihiro*. Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. P. 93–109.
6. *Samoilov N.A.* Periodizatsiya istorii sotsiokul'turnogo vzaimodeistviya Rossii i Kitaya do 1917 g.: metodologicheskie podkhody // *Vestnik SPBGU. Yazyk i literatura*. 2009. № 1–2. S. 209–214.
7. *Narochnitskii A.L.* Mezhdunarodnye otnosheniya na Dal'nem Vostoke. Kn. 1. (S kontsa XVI v. do 1917 g.). М., 1973. 326 с.
8. *Van Likhehn.* Sha EH deh Yuan'dun imin' chzhehtseh (Migratsionnaya politika tsarskoi Rossii na Dal'nem Vostoke) // *Behifan vehn'u*. 2001. № 1. S. 99–103.
9. *Vladimirova D.A.* Problemy ehtnokul'turnogo vzaimodeistviya i vzaimovospriyatiya kitaitsev i russkikh na rossiiskom Dal'nem Vostoke i Severo-Vostoke Kitaya: vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.: dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2005. 225 с.
10. *Shteinfel'd N.P.* Russkoe delo v Man'chzhurii: S XVII v. do nashikh dnei. Kharbin, 1910. 208 с.
11. *Beloglazov G.P.* Russkaya zemledel'cheskaya kul'tura v Man'chzhurii (seredina XVII – pervaya tret' XX v.). Vladivostok, 2007. 184 с.
12. *Larin A.G.* Kitaitsy v Rossii vchera i segodnya. М., 2003. 223 с.
13. *Myasnikov V.S.* Rossiya i Kitai: kontakty gosudarstv i tsivilizatsii // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* // *Voprosy istorii*. 1996. № 2. S. 72–82.
14. *Datsyshen V.G.* Russko-kitaiskaya voyna. Man'chzhuriya 1900 g. SPb.: [b.i.], 1996. 144 с.
15. *Zalesskaya O.V.* Kitaiskie migranty na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1938 gg.). Vladivostok: Dal'nauka, 2009. 380 с.
16. *Petrov A.I.* Istoriya kitaitsev v Rossii. 1856–1917 gody. SPb., 2003. 960 с.
17. *Nesterova E.I.* Russkaya administratsiya i kitaiskie migranty na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (втор. пол. XIX – нач. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 372 с.

18. «Man'chzhurskii kliN»: istoriya, narody, religii / S.EH. Anikhovskii, D.P. Bolotin, A.P. Zabiyako [i dr.]; pod obshch. red. A.P. Zabiyako. Blagoveshchensk, 2005. 315 s.
19. Datsyshen V.G. Khristianstvo v Kitae: istoriya i sovremennost'. M., 2007. 240 s.
20. Chehn' Fan. Tsyant'an' 1917 nyan' tsyan' deh Chzhun-EH vehn'khua guan'si (Kratkoe izlozhenie kul'turnykh otnoshenii mezhdu Kitaem i Rossiei do 1917 goda) // Syan'dai tszyaotszi. 2018. № 7. S. 91–92.
21. Pehn Min. Kratkaya istoriya druzhby narodov Kitaya i Sovetskogo Soyuz. M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 1957. 149 s.

Статья принята к публикации 4.04.2024/
The article has been accepted for publication 4.04.2024.

Информация об авторах:

Ольга Владимировна Залеская, декан факультета иностранных языков, доктор исторических наук, доцент

Мэйвэй Янь, преподаватель кафедры истории России и специальных исторических дисциплин, кандидат исторических наук

Information about the authors:

Olga Vladimirovna Zalesskaya, Dean of the Faculty of Foreign Languages, Doctor of Historical Sciences, Docent

Meiwei Yan, Lecturer at the Department of Russian History and Special Historical Disciplines, Candidate of Historical Sciences

